

Модели экономической дезинтеграции.

Интеграция и дезинтеграция

А.М. Либман, Б.А. Хейфец

Александр Михайлович Либман – д.э.н., Ph.D., младший профессор Франкфуртской школы финансов и менеджмента, старший научный сотрудник Института экономики РАН и ассоциированный научный сотрудник Восточно-Китайского педагогического университета. Основные исследовательские интересы: эмпирическая политическая экономика и политическая экономика региональной интеграции и федерализма. Лауреат премии Кнута Викселля Европейской ассоциации исследований общественного выбора (EPCS, 2010). Основные публикации в *Journal of Comparative Economics*, *Europe-Asia Studies*, *European Journal of Comparative Economics*, а также в ведущих российских и китайских научных журналах. Автор и соавтор пяти монографий.
Электронный адрес: alibman@yandex.ru

Борис Аронович Хейфец – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Опубликовал более 130 научных работ. Он проводит исследования по широкому кругу актуальных научных проблем, связанных с развитием финансовой глобализации, особенностями участия в этом процессе отдельных стран, а также с взаимодействием международного и внутреннего рынка капиталов.
Электронная почта: bah@mail.northnet.ru

Исследования региональной экономической интеграции во многих случаях оставляют «за скобками» обратный процесс, крайне важный для понимания как развития мировой экономики, так и эволюции постсоветского пространства, – процесс *экономической дезинтеграции*. Изучение дезинтеграционных процессов необходимо для оценки движущих сил и оптимизации стратегий интеграционного взаимодействия. Например, когда мы обосновываем преимущества интеграции в регионе СНГ тем или иным фактором (общая инфраструктура, общность деловых практик, культуры или языка), мы игнорируем то обстоятельство, что республики СССР также стягивались в единое целое этими факторами, а это не смогло предотвратить дезинтеграцию. В настоящей работе мы попытаемся построить простую типологию дезинтеграционных процессов и описать их логику.

Прежде всего, необходимо договориться о терминах. Региональная экономическая интеграция представляет собой сложное и многогранное явление. Мы сосредоточим внимание лишь на одном аспекте – так называемой интеграции рынков, которая представляет собой формирование устойчивых взаимосвязей между (ранее) территориально обособленными

рынками в виде потоков благ и факторов производства и (или) взаимосвязи цен на них (Baret, 2008). Интеграция рынков может быть вызвана действиями двух типов игроков. Интеграция «сверху» основана на взаимодействии государств и надгосударственных органов, связанном, например, с изменением законодательства и выработкой общей политики. Интеграция «снизу» определяется взаимодействием на микроуровне: инвестициями, производственными сетями и альянсами корпораций, неформальными торговыми сообществами и миграцией. Соотношение интеграции «сверху» и интеграции «снизу» различается в отдельных регионах мира (Хейфец, Либман, 2008).

Идеальная и полная интеграция пространственно обособленных рынков, скорее всего, принципиально невозможна. Поэтому интеграция представляет собой не столько результат, сколько процесс нарастающего взаимопереплетения национальных экономик. В этой связи под дезинтеграцией мы будем понимать рост транзакционных издержек, ведущий к обособлению в пространстве отдельных рынков, выражающемуся как в разрыве динамики цен (за счет отсутствия арбитража), так и в снижении потоков благ и факторов производства.

Тема экономической дезинтеграции получила ограниченное освещение в научной литературе¹. Речь идет о двух направлениях. Первое – политическая экономика сецессий и распада государств – преимущественно представляет собой оборотную сторону политической экономии интеграции (обзор которой приводится в: Либман, 2009). Интеграция и дезинтеграция моделируются как принципиально однородные явления; внимание к одному из этих двух процессов определяется лишь фокусом конкретной работы (Bolton, Roland, 1997; Ruta, 2005). Многие исследования уделяют основное внимание стратегическому выбору политиков и избирателей в процессе принятия решений об отделении (Eerola et al., 2004; Vednar, 2007); другие исследования посвящены вопросу влияния права на сецессию на перспективы стабильности интеграционных группировок. Утверждается, например, что, предусмотрев *ex-ante* возможность распада (даже если он эффективен *ex-post*), участники группировки с самого начала закладывают мину под свою способность к координации экономической политики (Bordignon, Brusco, 2001). Второе направление – экономика конфликтов – основное внимание уделяет возникающим в процессе распада государств военным конфликтам (Young, 2004). Нас интересует более широкая проблематика экономической дезинтеграции, не ограничивающаяся распадом централизованных политических структур.

Итак, чем же обуславливается дезинтеграция экономических пространств? На наш взгляд, можно предложить достаточно простую типологию моделей дезинтеграции, основанную на двух параметрах: сравнительной роли процессов «сверху» и «снизу» в дезинтеграции и скорости протекания этого процесса. В качестве исходной точки для процессов

¹ В качестве примеров исследований, посвященных этой тематике в контексте постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы и ЕС, можно упомянуть: BEIGEWUM, 2000; Vollaard, 2008; Rossova, 2009; Паньков, 2007.

дизинтеграции рассмотрим экономическое пространство, интегрированное как «сверху», так и «снизу»: если в регионе достаточно высоким уровнем развития характеризовался лишь один из каналов дезинтеграции, процессы носят более простой характер. В таблице 1 представлены четыре модели дезинтеграции. Как и в случае с моделями интеграции, речь идет, скорее, об идеальных типах, в различных регионах наполняющихся конкретным содержанием.

Таблица 1
Модели
дизинтеграции

	Высокая скорость дезинтеграции	Низкая скорость дезинтеграции
Доминирование дезинтеграции сверху	конфликтная дезинтеграция	стагнирующая дезинтеграция
Доминирование дезинтеграции снизу	шоковая дезинтеграция	дивергентная дезинтеграция

Модели дезинтеграции

Конфликтная дезинтеграция. Особенность данной модели – сочетание центростремительных сил преимущественно на уровне взаимодействия стран с крайне высокой скоростью распада. В этом случае инициатива для дезинтеграции находится в политической системе, в то время как экономика вынуждена в той или иной степени подстраиваться под происходящие дезинтеграционные процессы. Путь дезинтеграции выглядит следующим образом: нарастающие противоречия между государствами в какой-то момент времени запускают цепочку политических конфликтов (отсюда конфликтная модель), ведущую к ликвидации формальных интеграционных структур. Освободившись от бремени последних, национальные элиты вводят жесткие протекционистские меры, которые вынуждают уже частные структуры перестраивать пространственную организацию своей деятельности, что ведет к фрагментации рынков.

Чем же может обуславливаться запуск триггера конфликта дезинтеграции «сверху»? Ответ на этот вопрос не является тривиальным и не сводится к перечню факторов, препятствующих интеграции. Все эти факторы должны были воспрепятствовать появлению интегрированного пространства с самого начала, как минимум, не дать интеграционному проекту добиться сколь бы то ни было значимых результатов, а не содействовать его распаду в условиях, когда интеграция уже достигла сравнительно высокого уровня. Соответственно, можно говорить о трех движущих силах дезинтеграции: (1) о пробуждении «спящих институтов» (Захаров, 2010) в условиях принудительной интеграции; (2) об изменениях предпочтений игроков под воздействием самого процесса интеграции, то есть саморазрушающаяся интеграция и (3) о проявлении форс-мажорных факторов, предсказать которые заранее было невозможно.

Что касается «спящих институтов», то логика конфликта, ведущего к дезинтеграции, выглядит следующим образом. Допустим, что интеграционная группировка формировалась не столько как добровольное объединение государств, сколько под давлением страны-гегемона, то есть

в условиях асимметрии властного потенциала. Инструменты контроля со стороны гегемона были выбраны таким образом, чтобы имитировать функционирование стандартной интеграционной структуры – например, по идеологическим соображениям. В этом случае распад интеграционной структуры можно считать неизбежным следствием утраты гегемоном лидерства в структуре: имитационная добровольность внезапно получает вполне конкретное содержание и используется государствами для выхода из интеграционного проекта. Особенно часто такая логика наблюдается в недемократических политических режимах под воздействием демократизации, ведущей к сокращению способности гегемона контролировать интеграционное пространство.

Несколько интереснее сценарий саморазрушающейся интеграции: он может быть связан как с экономической, так и с политической целесообразностью. Что касается первой, возникающие в этом случае противоречия легко отследить на примере теории так называемых эндогенных оптимальных валютных зон (ОВЗ). Согласно представлению ее сторонников, сама по себе валютная интеграция стран (пусть даже не соответствующих критерию оптимальной валютной зоны) приведет к росту взаимной торговли, сближению экономических систем и, следовательно, к большему соответствию критериям ОВЗ. То есть, создав ОВЗ, страны, по сути дела, создают «самосбывающееся пророчество». Однако создание ОВЗ, как отмечает П. Кругман, может породить и противоположный эффект – рост взаимной торговли ведет к росту пространственной специализации и, следовательно, дивергенции стран с точки зрения критериев ОВЗ (Frankel, Rose, 1998; Corsetti, Pesenti, 2002). Примером политической целесообразности можно считать следующий сценарий. Допустим, интеграционная структура была создана достаточно слабыми государствами на какой-то момент для взаимной поддержки. Соответственно, итогом функционирования интеграционного образования должно было бы стать усиление стран. Однако как только государства обретают определенный уровень стабильности (как политической, так и экономической), участие в интеграционном проекте становится для них нецелесообразным. Пример краткосрочного членства Узбекистана в ЕврАзЭС после андижанских событий четко показывает данный механизм.

Форс-мажорные факторы дезинтеграции также достаточно многочисленны. Здесь можно упомянуть смену модели экономического и политического устройства и появление новой внешнеэкономической стратегии (распад интеграционной группировки социалистических стран – Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), обособление от СНГ бывших прибалтийских республик СССР); изменение политических предпочтений властей (Туркменистан и СНГ, Украина и Единое экономическое пространство); возникновение военных конфликтов (Грузия и СНГ; распад Латинского валютного союза как следствие Первой мировой войны). Сюда же отнесем изменение этнического состава населения территории (отделение Техаса и Калифорнии от Мексики в XIX веке); глобальный экономический кризис (распад «европейской валютной змеи» в 1973 году); процесс политической фрагментации государств – членов интеграционной

группировки и тому подобное. Общей чертой всех описываемых факторов можно считать их непредвиденный характер: интеграционная структура попросту не выдерживает новых реалий и вынуждена прекратить существование или утратить часть членов. Конечно, грань между форс-мажорными факторами и саморазрушающимися проектами достаточно тонкая, и ее реально часто можно провести только постфактум, когда судьба интеграционного проекта уже известна.

И в случае с принудительной интеграцией, и при сценарии саморазрушающейся интеграции можно предположить, что рациональные участники могли бы увидеть (неизбежный) потенциал будущего коллапса еще на ранней стадии, ведь принимаемые ими на себя обязательства не являются достоверными (*credible*). Однако проблема состоит в том, что в данных двух сценариях существуют противоречия между *ex-ante* (в момент создания интеграционного проекта) и *ex-post* (в момент распада) интересами участников. Например, экспансия государства-лидера является вполне рациональной, поскольку повышает доступные группам интересов ренты. Однако это же обстоятельство блокирует динамичное развитие. Для преодоления этой блокады необходимы реформы, однако последние предполагают дестабилизацию существующей обширной интеграционной структуры (Lake, 1997). Вопрос в том, были ли в исходные структуры встроены мирные механизмы их трансформации и распада. В случае с принудительными структурами, естественно, такие механизмы отсутствуют: ведь политическое руководство страны-гегемона стремится избежать реформ, представляющих угрозу для стабильности его положения. Формально механизмы реструктуризации существуют и в них. Например, добровольный выход из федераций и сообществ, подобных СССР, Югославии, Чехословакии или СЭВ, прекращение контроля колониальных властей над подмандатными территориями Лиги наций; возможность выделения отдельных государств, ранее существовавших в рамках единого экономического пространства (разделение британской Индии на Индийский союз и Пакистан на основе акта британского парламента 1947 года). Для использования этих механизмов необходимо изменить баланс власти, что крайне сложно и связано с конфликтом.

В саморазрушающихся структурах подобные механизмы также могут быть предусмотрены: в этом случае интеграционный проект с самого начала формируется с перспективами прекратить свое функционирование когда-то в будущем при достижении определенных целей. Частично примером такой модели дезинтеграции может служить Центральноевропейская зона свободной торговли (ЦЕФТА).

Как известно, ЦЕФТА возникла по инициативе «Вышеградской группы», которая была образована в феврале 1991 года на встрече представителей власти Венгрии, Польши и Чехословакии. Ее цель – развитие внутрирегиональной торговли и объединение усилий по подготовке интеграции в ЕС в условиях развала прежних интеграционных структур и проблематичности быстрой переориентации торговых потоков на Запад. Кстати, и в рамках СЭВ в 1980-е годы торговля между этими странами развивалась быстрее, чем внутрирегиональная торговля в целом. Это позволяло

Страна	Год вхождения в ЦЕФТА	Год выхода из ЦЕФТА
Польша	1992	2004
Венгрия	1992	2004
Чехословакия/Чехия и Словакия	1992	2004
Словения	1996	2004
Румыния	1997	2007
Болгария	1999	2007
Хорватия	2003	-
Республика Македония	2006	-
Албания	2007	-
Босния и Герцеговина	2007	-
Молдавия	2007	-
Черногория	2007	-
Сербия	2007	-
Республика Косово	2007	-

Таблица 2
Изменение формата ЦЕФТА

Источник: CEFTA, 2006

говорить о развитии так называемой малой интеграции внутри бывшей интеграционной группировки социалистических стран. В декабре 1992 года «Вышеградская группа» (после разделения Чехии и Словакии она состояла из четырех государств) подписала ЦЕФТА, которое вступило в силу 1 марта 1993-го. Страны, подписавшие соглашение, с самого начала рассматривали его не как создание самостоятельного интеграционного блока, а как своеобразный подготовительный этап вступления в ЕС.

С сентября 1995 года ЦЕФТА приобрела статус открытой организации, для присоединения к которой необходимо:

- наличие торгового договора с ЕС или статус ассоциированного члена Европейского сообщества;
- членство во Всемирной торговой организации /Генеральное соглашение по тарифам и торговле;
- наличие двусторонних договоров о свободной торговле с каждой из стран – участниц ЦЕФТА.

Это способствовало увеличению численности членов ЦЕФТА, однако она менялась по мере выхода из соглашения и вступления в ЕС некоторых ее членов, в том числе всех стран-учредителей, и присоединения к соглашению новых государств, которые стремились активизировать свои торгово-экономические связи и быстрее присоединиться к ЕС (см. таблицу 2). Иными словами, ЦЕФТА не разрушилась полностью, хотя первоначально такой сценарий предусматривался, а произошло ее существенное реформатирование.

Стагнирующая дезинтеграция. Главное отличие такой дезинтеграции – длительный период фрагментации интегрированного «сверху» пространства, постепенного нарастания противоречий и перехода реально функционировавших группировок в состояние псевдоинтеграции, а затем

полного распада, или, возможно, сохранения как каких-то «мягких» форматов и объединений. Логика стагнирующей дезинтеграции в принципе схожа с ситуацией конфликтной дезинтеграции; главное различие состоит в том, что вместо однократной вспышки конфликта наблюдается длительный период дезинтеграции. Примером может служить СНГ, на первых порах все же обладавшее достаточно действенными механизмами сотрудничества, постепенно обесценившимися. Так, В. Паньков считает, что по понятным причинам установка на цивилизованный развод никогда не фигурировала в официальных документах СНГ, но она де-факто была исходной для всех участников Содружества и с самого начала наложила глубокий отпечаток на его развитие (Паньков, 2007: 128).

Еще один пример, в чем-то схожий с ЦЕФТА, – созданная в 1960 году Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ). Сюда вошли Великобритания, Португалия, Дания, Австрия, Швейцария, Норвегия и Швеция, а позднее – Финляндия, Исландия и Лихтенштейн. В отличие от ЦЕФТА, ЕАСТ не рассматривалась как временное интеграционное объединение, которое после решения поставленных при его создании задач будет ликвидировано. ЕАСТ возникла по инициативе Великобритании, соперничающей с Францией в 1950 – 1960-х годах на европейском континенте, как альтернативная по сравнению с ЕЭС модель европейской интеграции. В отличие от ЕЭС, ЕАСТ сосредоточилась на устранении пошлин в торговле между странами-участницами, прежде всего на промышленные товары, не ставя целей использования более глубоких форм взаимодействия. Однако такие минимальные задачи со временем перестали устраивать многих членов ЕАСТ, которые присоединились к ЕЭС. В 1973 году первыми такой шаг предприняли Великобритания и Дания. В 1986-м из ЕАСТ вышла Португалия, в 1995-м – Австрия, Финляндия и Швеция. Но, как и ЦЕФТА, ЕАСТ не прекратила своего существования, в нее входит в настоящее время четыре страны (Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн). Сегодня ЕАСТ является форматом взаимодействия с ЕС для государств Западной Европы, не входящих в союз (так называемые страны европейского экономического пространства).

В принципе такой сценарий более типичен для саморазрушающихся проектов, чем для принудительных: распад последних обычно носит катастрофический характер. Однако для стагнирующей дезинтеграции существенна еще одна особенность: подобный сценарий может возникать как следствие экспериментирования стран с различными сценариями интеграции и дезинтеграции в условиях отсутствия точной информации о преимуществах и недостатках каждого из них. Например, распад СНГ идет параллельно с попытками новых независимых государств встраиваться в те или иные проекты за пределами постсоветского пространства, и успехи по поиску новых партнеров влияют на позицию стран в регионе СНГ. Соответственно, стагнирующая дезинтеграция типична еще для одного сценария: когда в интеграционном проекте объединяется очень большое число стран, сильно отличающихся друг от друга по различным параметрам. В этом случае центробежным силам в интеграционной группировке будут

противостоять центростремительные силы разнородности, и процесс стагнирующей интеграции будет представлять собой именно попытку поиска оптимального сочетания. Еще один фактор формирования стагнирующей дезинтеграции – конкуренция интеграционных проектов (например, ЕАСТ и ЕЭС), в процессе которой одна из инициатив постепенно теряет свой членский состав, а вторая, напротив, привлекает все больше и больше стран.

Сказанное означает, что, в отличие от конфликтной дезинтеграции, стагнирующая дезинтеграция не обязательно ведет к полному и окончательному распаду отношений (обычно накал эмоций в условиях конфликтной дезинтеграции столь высок, что последующая реинтеграция – во всяком случае, в кратком периоде – невозможна). Можно выделить две альтернативные модели стагнирующей дезинтеграции. Во-первых, полная фрагментация экономического пространства, во-вторых, выделение интеграционного ядра, в принципе заинтересованного в дальнейшем сотрудничестве, и периферии интеграционного объединения, отдельные представители которой в перспективе могут как окончательно отколоться от интеграционного объединения, так и примкнуть к нему.

Стагнирующая и конфликтная дезинтеграция различаются и по инструментам, используемым странами. В литературе выделяются две стратегии демонстрации неудовлетворенности текущим положением дел в интеграционной группировке: «голос» (то есть активное участие в переговорах и торге по поводу новой структуры) и «выход» (Volaard, 2008). Суть конфликтной дезинтеграции состоит именно в том, что опция «голоса» практически не может использоваться: события развиваются столь быстро, что единственный вариант, остающийся в распоряжении стран, – полный разрыв отношений. При стагнирующей дезинтеграции страны в принципе могут рассматривать вариант «голоса» как альтернативную распаду стратегию.

Шоковая дезинтеграция. Перейдем теперь к сценариям, в которых старт дезинтеграции был положен фрагментацией экономического пространства «снизу», а не «сверху». В этом случае при сохранении политической консолидации пространство начинает фрагментироваться за счет распада связей между хозяйствующими субъектами, причем эта фрагментация происходит достаточно быстро (поэтому ее можно назвать шоковой). Речь идет о достаточно редком явлении, хотя бы в силу того, что обычно хозяйственные связи на рынках являются достаточно устойчивыми. Поэтому для быстрой фрагментации экономического пространства (при сохранении более или менее функционирующих институтов интеграции «сверху») необходимы, скорее всего, экстраординарные обстоятельства. Очевидными примерами можно считать природные катастрофы или беспорядки (особенно межнациональные конфликты, которые могут привести к эффективной и крайне быстрой дезинтеграции экономического пространства).

Быстрая фрагментация может быть связана и с изменениями законодательства, препятствующими поддержанию экономических взаимосвязей.

В этом случае шоковая дезинтеграция более характерна для моделей интеграции, основанных на неформальной торговле. Например, во многих развивающихся странах рынки интегрированы преимущественно за счет неформальных каналов взаимосвязей. Усилия государства по борьбе с этим неформальным бизнесом могут привести не к перемещению бизнеса в легальный сектор, а к полному разрыву связей, то есть к шоковой фрагментации. Еще одним примером быстрой шоковой фрагментации можно считать всплеск гиперинфляции. В этой ситуации цены перестают играть роль источников передачи информации между игроками, а способность бартера обеспечить эффективную интеграцию пространства ограничена (Humpfrey, 1985).

Дивергентная дезинтеграция. В отличие от шоковой, данный вариант фрагментации экономики связан с медленным распадом и переориентацией экономических взаимосвязей. Примеров подобного развития событий в истории мировой экономики было множество: очень часто дивергентная дезинтеграция «заканчивает работу» конфликтной, то есть вступает в силу после распада на каком-то этапе единого пространства, постепенно содействуя изменению пространственной структуры торговли и движению факторов производства. Например, подавляющее большинство существовавших на каком-то этапе колониальных империй европейских стран во второй половине XX века прошли период дивергентной фрагментации (Head et al, 2010).

Особенность дивергентной дезинтеграции состоит в том, что она лишь в исключительных случаях предполагает действительно полную и безоговорочную фрагментацию экономического пространства. Точнее было бы говорить о формировании новых интегрированных пространств с изменившейся структурой взаимосвязей на месте старых. Эта модель представляет собой результат «творческого разрушения», которое осуществляют предприниматели, пытающиеся определить оптимальную организацию своей экономической активности. Стагнирующая дезинтеграция также обладает свойствами экспериментирования, однако в ней вполне реальным итогом экспериментов может быть полный распад пространства на несколько сравнительно небольших территорий (скажем, при существовании действительно очень серьезных различий между предпочтениями). Дивергентная же фрагментация всегда с неизбежностью ведет к возникновению новых пространств – просто в силу желания экономических игроков использовать преимущества специализации.

Дивергентная дезинтеграция, в отличие от перечисленных трех моделей дезинтеграции, – неизбежная часть развития мировой экономики, особенно сегодня, когда отдельные регионы представляют собой лишь сгущения экономических взаимосвязей, а не полностью обособленные пространства. Обратной стороной дивергентной дезинтеграции всегда остается интеграция – формирование новых регионов. Особенность дивергентной дезинтеграции – она поддается управлению: экономическая политика может смягчить последствия дезинтеграции или попытаться направить процесс формирования новых экономических взаимосвязей.

Дезинтеграция в Европе и на постсоветском пространстве

Все описанные модели дезинтеграции обычно не встречаются в чистом виде, а чаще существуют в некоторых сочетаниях. Развитие дезинтеграционных процессов может начаться по одной модели, а продолжиться по другой. Например, проблемы в развитии социалистической экономической интеграции в СЭВ накапливались все 1980-е годы. Это структурный барьер в торговле (российское топливо и сырье на готовые изделия); неспособность интеграционных связей обеспечить технологический прогресс и расширение покупки лицензий и оборудования на Западе, в том числе за счет роста валютной задолженности; более интенсивное развитие двусторонних связей без участия СССР; неудовлетворенность экономическими результатами сотрудничества и тому подобное². Однако все попытки реанимировать стагнирующую интеграцию оказались тщетны, и в первой половине 1991 года СЭВ был ликвидирован по сценарию конфликтной дезинтеграции.

Кроме того, существует определенная взаимосвязь различных моделей дезинтеграции. Так, модель с доминированием дезинтеграции «сверху» вызывает развитие процессов дезинтеграции «снизу», которые, как правило, более инерционны в развитии. В первые годы после ликвидации СЭВ в Россию продолжались поставки немецких пассажирских вагонов и полиграфического оборудования, венгерских автобусов «Икарус» и медикаментов, польских судов и товаров широкого потребления, чешских трамваев и люстр, болгарских овощных консервов и сигарет. Также шла другая продукция, по которой за предыдущие десятилетия сложилась устойчивая взаимодополняемость экономик в рамках интеграционной группировки социалистических стран. И потребовалось определенное время, пока не были найдены альтернативные источники удовлетворения имевшихся потребностей у России и новых рынков у выживших в рыночных реформах предприятий европейских экс-членов СЭВ.

Рассуждения о моделях дезинтеграции имеют не только теоретическое значение, но могут стать весьма актуальными для сегодняшней практики. В последнее время все чаще высказывается точка зрения о высокой вероятности дезинтеграции ЕС, возможности распада зоны евро. Дж. Сорос неоднократно заявлял об опасности начавшихся в ЕС дезинтеграционных процессов. В июне 2010 года в интервью еженедельнику *Die Zeit* он заявил: «Дезинтеграция ЕС уже началась... Разногласий между Германией и Францией по поводу экономического курса сейчас больше, чем 10 лет назад. В последнее время между Парижем и Берлином возникали споры по поводу европейской экономической архитектуры и долгового кризиса в Греции и еврозоне. Если Германия не изменит свой курс, ее выход из валютного союза пошел бы на пользу остальным странам Европы» (Soros, 2010). Э. Фелпс не уверен, что тенденция к все более масштабному укрупнению межгосударственных альянсов станет определяющей. Он считает, что, «возможно, когда-нибудь лидеры Евросоюза решат, что их союз

² Нарастание противоречий в СЭВ нашло отражение во многих работах, но особо выделим: Некипелов, 2002: 21–25.

слишком велик, и им лучше разделить на два альянса, чем оставаться в рамках единой структуры» (Фелпс, 2010).

Обострение проблем европейской интеграции стало ощущаться еще в середине 2000-х годов, когда на референдумах во Франции и Нидерландах была провалена Евроконституция, с большими трудностями столкнулось утверждение бюджета ЕС на 2007–2013 годы. Эти проблемы усилились в результате присоединения к ЕС в 2004-м и 2007-м новых членов, уступавших по уровню своего экономического развития старожилам сообщества. Однако очень остро необходимость изменения структуры европейской интеграции стала ощущаться в связи с глобальным кризисом 2008–2009 годов, который тяжело отразился на экономиках некоторых стран ЕС. Греция и Ирландия буквально оказались на грани банкротства, что потребовало экстренных мер со стороны ЕС. Серьезные финансовые трудности испытывают Португалия и Испания. Это связано с огромным госдолгом и дефицитом бюджетов этих стран, которые еще больше могут возрасти в ближайшей перспективе (см. таблицу 3).

	Совокупный госдолг (% от ВВП)		Первичный бюджетный дефицит (% от ВВП)	Чистая международная инвестиционная позиция (% от ВВП)	Доля государственных облигаций, размещенных за границей (%)
	2010 г. ¹	2015 г. ²	2010–2015 гг.	2009 г.	март 2010 г.
Греция	140.2	165	10	-89.1	58
Ирландия	97.4	125	13	-102.5	54.2
Португалия	82.8	100	8	-113.2	66
Испания	64.4	85	10	-95.7	38.7

Таблица 3

Государственный долг и дефицит бюджета стран ЕС

Источник: Economist, 2011

Примечание: ¹оценка; ² прогноз

Приведенные в таблице показатели (не только у перечисленных выше государств, но и у других стран ЕС) в 2009 году намного превысили нормативы, рекомендованные еще в 1997-м Пактом стабильности и роста (Stability and Growth Pact). Эти нормативы (годовой дефицит бюджета не более 3% ВВП; национальный долг меньше 60% ВВП либо приближается к этой величине) должны были обеспечить устойчивость евро. Хотя их еще в отдельные годы докризисного периода нарушали некоторые страны ЕС, в том числе такие крупные экономики, как Германия и Франция. Однако в 2009 году эти критерии, по данным Евростата, превзошли более 90% всех членов ЕС. Масштаб их отклонения по дефициту бюджета (а это фактор наращивания госдолга) был чрезмерным – от 100% до 500%. В среднем по 27 странам ЕС дефицит бюджета составил в 2009-м 6.8%, а госдолг – 74.7% от ВВП (EU Statistics and Opinion Polls, 2011).

Долговой кризис резко повышает риск коллапса евро. Разрушение валютного союза может привести к развитию необратимого дезинтеграционного процесса в ЕС. Как показывает имеющийся опыт, отказ от общей единицы расчетов являлся тем спусковым крючком, который вызывал быстрые дезинтеграционные изменения. Это и ликвидация переводного рубля – условной валюты расчетов в СЭВ, и выход из рублевой зоны бывших союзных республик в СНГ. Например, еще за несколько месяцев до официального роспуска СЭВ Л. Косикова писала, что с введением в торго-

вые расчеты между СССР и Восточной Европой свободно конвертируемой валюты и текущих мировых цен (*эти условия фактически были введены с начала 1991 года.* – Авт.) нарушаются прежние сложившиеся контакты, следовательно, система регионального экономического сотрудничества прекращает существование де-факто (Косикова, 1991: 5–6).

Еще один дезинтеграционный фактор – усиление антиблоковых настроений внутри многих стран ЕС, прежде всего в Германии и Франции (на них легла значительная часть помощи государствам-банкротам). Появление евроскептицизма стало неизбежным следствием публичности новой стадии европейской интеграции, вызывающей все больше и больше дискуссий среди населения, а также растущих противоречий в процессе расширения ЕС и углубления интеграции. Опросы общественного мнения свидетельствуют: за 1991–2006 годы поддержка ЕС снизилась во всех без исключения странах ЕС-15 и практически во всех общественных группах (от студентов до «голубых воротничков»). Поддержка европейской интеграции элитами заметно больше, чем поддержка массами. Евроскептицизм затрагивает и правых, и левых, и государства с либеральной экономикой, и страны со значительным государственным вмешательством (Nix, 2007; 2007a; Hooghe, Marks, 2008). Выражением распространяющегося евроскептицизма стал уже упомянутый провал референдумов по Европейской конституции в ряде стран ЕС и отказ от проведения референдумов в других странах (например, в Германии – из-за высокой вероятности отрицательного исхода).

Масштабные трансферты европейских стран друг другу лишь «подлили масла в огонь» нарастающей критики. По данным опроса, проведенного в июне 2009 года институтом предпринимательской свободы, 70,9% немцев выступали против использования средств немецкого бюджета (и немецких налогоплательщиков) для оказания помощи странам, подобным Греции. Лишь 24,8% поддерживали подобные трансферты (Institut fuer Unternehmerische Freiheit, 2009). В марте 2010 года, по данным опроса FT/Harris, доля противников финансовой помощи Греции в Германии превышала 60%, во Франции их было около 40%. Почти треть немцев и 20% французов выступали за исключение Греции из зоны евро. Около 40% немцев и 20% французов полагали, что их страны выиграют от выхода из еврозоны (Atkins, 2010). Правда, более дифференцированные опросы дают и более дифференцированную картину общественного мнения. Опрос ARD, проведенный в марте 2010-го, показал, что лишь около 15% немцев выступают безоговорочно против помощи Греции, а большинство (50%) ратуют за помощь, но лишь при условии, что в ней примут участие не только немецкие налогоплательщики, но и банки – кредиторы греческого правительства (ARD, 2010).

Для оказания антикризисной финансовой помощи испытывающим трудности странам в самом ЕС был срочно создан специальный европейский фонд финансовой стабильности. Объем стабилизационного фонда оценивается в €750 млрд: 60 млрд – кредиты Еврокомиссии, 440 млрд – гарантии государств ЕС и 250 млрд – от МВФ. Основной вклад в фонд делает Германия – €148 млрд. Однако получить средства из фонда можно будет

только после одобрения МВФ, Европейской комиссией и Европейским центральным банком. Последний активно занялся выкупом госбондов у стран, терпящих финансовую катастрофу. Учитывая серьезность ситуации со стабильностью мировой валютной системы, кредиты предоставит и МВФ; Китай и Япония выразили готовность оказать существенную финансовую помощь. Но и этих мер, по мнению некоторых евроскептиков, может оказаться недостаточно, так как необходимо серьезное переформатирование самого ЕС.

В октябре 2010 года лидеры государств ЕС договорились о введении института автоматических штрафных санкций против стран, нарушающих бюджетную дисциплину и не способных в течение шестимесячного срока исправить положение. Саммит 2010 года стал ареной острых противоречий между коалициями стран, возглавляемыми Францией и Германией: Германия ратовала за автоматические санкции, Франция выступала за необходимость одобрения санкций квалифицированным большинством стран. За несколько дней до саммита в ходе встречи между Н. Саркози и А. Меркель Германия согласилась на французский вариант неавтоматических санкций в обмен на поддержку Франции при обсуждении вопроса о создании постоянного механизма разрешения долговых проблем в еврозоне. Франция и Германия предложили также лишать проштрафившиеся страны права участвовать в голосовании в совете министров. Однако это предложение, вызвавшее резко негативную реакцию остальных членов, принято не было (Spiegel Online, 2010).

В принципе, уже сейчас существует определенная фрагментация общеевропейского пространства, например, на основании критерия присутствия в зоне евро. Серьезные дискуссии шли по поводу участия малых членов в решении общих вопросов ЕС. Не все страны ЕС подписали Шенгенское соглашение. Для новых членов ЕС был закрыт, по крайней мере, до 2011 года, рынок труда – 12 из 15 государств старого ЕС. Ослабление позиций евро вызвало новую волну дискуссий, когда ставится вопрос о разноуровневой интеграции, прежде всего выделении интеграционного ядра в виде старой шестерки ЕС. Они будут полными членами ЕС с полными правами, остальные страны ЕС – полные члены с ограниченными правами. Кроме того, будет и такой статус, как ассоциированные члены ЕС. При анализе дезинтеграционных процессов в Европе крайне важно воздержаться от алармистских настроений; сегодня пророчества краха ЕС столь же неуместны, как и безудержный еврооптимизм. В той же Германии при всей распространенности евроскептицизма представители промышленности прекрасно понимают, что крах зоны евро привел бы к серьезному ослаблению их позиций в глобальной конкуренции (Whinton, 2010).

Тема дезинтеграции весьма актуальна и для России, которая участвовала во многих интеграционных объединениях, или уже распавшихся, или находящихся в состоянии вялотекущей стагнирующей дезинтеграции (от СЭВ, СССР до СНГ, Союзного государства Россия – Беларусь). Анализ дезинтеграционных процессов позволяет найти и новые модели разрешения интеграционных конфликтов. Например, как способ разрешения

российско-белорусского интеграционного тупика был найден вариант формирования ТС и Единого экономического пространства России, Казахстана и Беларуси. Ориентация на более высокую скорость интеграции с Казахстаном вынуждает Беларусь во многом идти на компромиссы, которые никогда не были бы разрешены в рамках двусторонней интеграции. Создание нового интеграционного ядра ЕЭП-3 в рамках ЕврАзЭС, с одной стороны, – шаг к дезинтеграции этой региональной группировки. С другой – создание ЕЭП подталкивает Кыргызстан и Таджикистан к реанимации интеграции с Россией, Беларусью и Казахстаном, так как возрастает риск «отстать от поезда».

Подводя итог, можно сказать, что изучение закономерностей дезинтеграционных процессов не меньше, чем анализ успешных интеграционных проектов, позволяет находить более точные решения и принимать необходимые меры во внешнеэкономической политике.

Литература

ARD (2010) Wie beurteilen Sie die diskutierte Finanzhilfe Deutschlands fuer Griechenland? <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/156018/umfrage/meinung-zur-diskutierten-finanzhilfe-von-deutschland-fuer-griechenland>.

Atkins R. (2010) Germans Oppose Greek Aid. Polls Show. *Financial Times*. March, 21.

Barett C. (2008) Spatial Market Integration. In: *New Palgrave Dictionary of Economics*. L.: Palgrave Macmillan.

Bednar J. (2007) Valuing Exit Option. *Publius: Journal of Federalism*. Vol. 37. No. 2

BEIGEWUM (Hrsg) (2000) Osteuropa zwischen Integration und Desintegration. Wien: Verlag Sonderzahl.

Bolton P., Roland G. (1997) The Break-up of Nations: A Political Economy Analysis. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 112. No. 4

Bordignon M., Brusco S. (2001) Optimal Secession Rules. *European Economic Review*. Vol. 45. No. 10.

CEFTA (2006) *Web-site of the Central European Free Trade Agreement*. Available at: <http://www.cefta2006.com/>.

Corsetti G., Pesenti P. (2002) Self-validating Optimal Currency Areas. Mimeo.

Economist (2011) The euro area's debt crisis. *Economist*. January, 20.

Eerola E., Maattanen N., Poutvaara P. (2004) Citizen Should Vote on Secession. *Topics in Economic Analysis and Policy*. Vol. 4. No. 1

EU (2010) EU Statistics and Opinion Polls 2010. Available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database.

Frankel J., Rose A. (1998) The Endogeneity of the Optimum Currency Area Criteria. *Economic Journal*. Vol. 108

Head K., Mayer T., Ries J. (2010) The Erosion of Colonial Trade Linkages after Independence. *Journal of International Economics*. Vol. 81. No. 1.

- Hix S. (2007a) *What's Wrong with the European Union and How to Fix It?* Cambridge: Polity Press.
- Hix S. (2007b) Euroscepticism as Anti-Centralization: A Rational Choice Institutionalist Perspective. *European Union Politics*. Vol. 8. No. 1.
- Hooghe L., Marks G. (2008) A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraint Dissensus. *British Journal of Political Science*. Vol. 39.
- Humpfrey C. (1985) Barter and Economic Disintegration. *Man*. Vol. 20. No. 1.
- Institut fuer Unternehmerische Freiheit (2009) *Meinungsumfrage des Instituts fuer Unternehmerische Freiheit und Open Europe zum Bail Out Irlands*. http://www.iuf-berlin.org/wm_files/wm_pdf/tabelle_unterstutzung_irland.pdf.
- Lake D. (1997) *The Rise, Fall and Future of the Russian Empire: A Theoretical Interpretation*. In: Dawisha K., Parrott B. (eds.) *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective*. New York: M.E. Sharpe.
- Rossová M. (2009) *Integration und Desintegration in Mitteleuropa: Plaene und Realitaet*. Muenchen: Meidenbauer; Praha: Historický ústav.
- Ruta M. (2005) Economic Theories of Political (Dis)integration. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 19. No. 1.
- Soros G. (2010) Der Kollaps des Euro ist möglich. *Die Zeit*. 23 Juni.
- Spiegel Online (2010) EU Agrees to Merkel's Controversial Euro Reform. Available at: <http://www.spiegel.de/international/europe/O,1518,726103,00.html>.
- Winton N. (2010) Why Germany and Its Automakers Won't Let Euro Collapse. *The Detroit News*. 27 November.
- Vollaard H. (2008) *A Theory of European Disintegration*. Mimeo.
- Young R. (2004) Secession as Revolution. *Homo Oeconomicus*. Vol. 21. No. 2.
- Захаров А. (2010) Российский федерализм как «спящий» институт. *Неприкосновенный запас*. №3.
- Косикова Л. (1991) СССР – Восточная Европа: новые условия взаимодействия. *Международный экономический журнал*. №1.
- Либман А. (2009) Границы, конфликты и переговоры в федерациях и сообществах государств. *Вопросы экономики*. №12.
- Некипелов А. (ред.) (2002) Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Трансформации 90-х годов. Т.3, часть I. Москва: Наука.
- Паньков В. (2007) Интеграция и дезинтеграция на постсоветском пространстве. *Мир перемен*. №3.
- Фелпс Э. (2010) Весь мир ждет модернизации России. *Газета.ру*. 21 декабря. Доступно на: <http://www.gazeta.ru/financial/2010/12/21/3472841.shtml>.
- Хейфец Б., Либман А. (2008) *Корпоративная интеграция: альтернатива для постсоветского пространства*. Москва: ЛИБРОКОМ.